

КОЛЛИЗИИ СТАРОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Проблема продолжительности жизни, жизненного цикла человека в единстве его возрастных этапов рассматривается нами через призму исторической динамики природы человека более чем в ста публикациях.

В разрабатываемой нами, одной из первых в отечественной науке, *интегративной социоприродной концепции человека* феномен старения представлен как пересечение индивидуального и надиндивидуального, природно-биологического, социокультурного и социодемографического уровней его жизнедеятельности. Обоснованный в этот период фундаментальный вывод о продолжающейся *исторической модификации* биологической природы современного человека раскрыт в монографии «Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека», Изд. «Медицина», Л., 1970, 17 п.л., а также в докладах и публикациях (Варна, 1973, Дюссельдорф, 1978 и ряде других).

Итоги исследований социальных и биологических детерминант продолжительности жизни, старости как социального и психологического явления, места геронтологии в структуре современной науки о человеке опубликованы в материалах 9 международного конгресса геронтологов (Киев, 1972), Всесоюзном съезде геронтологов (Киев, 1976), XIII конгрессе психологов (Лейпциг, 1973), на ряде зарубежных антропологических и отечественных конференций.

Итогом многолетнего участия в общесоюзной комплексной программе «Продление жизни» явился ряд публикаций по методологии геронтологического исследования, представляющего важный раздел философской геронтологии (София, 1976), и др., включая проблему регулирования биосоциальных аспектов развития на поздних этапах онтогенеза (Новосибирск, 1982, см. список основных публикаций).

С 1970 года являюсь членом правления Санкт-Петербургского (ранее Ленинградского) городского медицинского общества геронтологов и гериатров. Демографическое старение, как глобальная тенденция развития современной цивилизации, заострило внимание к различиям в статусах пожилых людей в западной, восточной и российской цивилизациях. Различия глубины процессов становления российской и западной цивилизации внесли скрытое несходство в многие константы русского и западного сознания, в том числе в образ старого человека. Представление о якобы бесполезности старых людей лежало у истоков протестантизма. Как известно, М. Лютер сравнивал

старость с живой могилой. Эволюция представлений о старости от признания опыта и мудрости к признанию быстрого устаревания услуг старых людей привела, по мнению известного французского социолога Ф. Ариеса, к тому, что слово «старость» исчезло из разговорного языка. Слово «старик» стало резать слух, приобрело презрительный или покровительственный оттенок, сменилось подвижным «очень хорошо сохранившиеся дамы и господа».

Еще одно буржуазное понятие, замечает он, получило широкое распространение, а техническая идея консервации заменила биологическую и одновременно моральную идею старости. Симптомом западной культуры стали такие противоречия как «возрастизм» (Б. Ньюгартен), «контркультура» пожилых, «седые пантеры» (М. Кунпер). Эти негативные тенденции подвергнуты критике на Всемирной Ассамблее ООН по старению (Вена, 1982). В документах Ассамблеи подчеркнуто, что пожилые люди представляют собой носителей традиций и культурного наследия наций, а знания и опыт пожилых оцениваются как один из видов национальных ресурсов.

Особенностью средневекового русского сознания является присутствие в нем материнского начала. Известное русское присловье утверждает, что у каждого из нас — три матери, первая из них — Богородица, вторая — мать сыра земля, третья та, что муки приняла. В антропологической модели соборного человека, сформировавшегося в ходе русской истории, сосредотачивается множество человеческих связей, среди которых такие солидарные группы, как семья, деревенская и церковная община. В надличностном коллективном сознании каждое поколение связано отношениями ответственности и с предками, и с потомками.

Не случайно в русской литературе Серебряного века складывается характерный для русской жизни символический образ Бабушки. Она «жалеет» и в каком-то смысле больше, чем мать потому, что она более надежно защищена от мира страстей и вообще интересов с чистой жалостью несомнимых. Этот женственный богородичный материнский и бабушкин мир, по мнению С. Аверинцева, воплощает идею милосердия, сформировавшуюся на православной основе. Не случайно в споре с М. Горьким символист Мережковский говорит о Бабушке как о вещем соединяющем символе. И, хотя любой архетип может оборачиваться своей противоположностью, вековая роль бабушки сохраняется в советское и пост советское время, сопровождаясь глубокими

социокультурными коллизиями. Симптоматично, что Э. Эриксон в качестве своеобразного ключа к пониманию российского сознания и исторической психологии русских обращается к образам деда и бабушки М. Горького.

Рассматривая образы (модели) старого человека в русле цивилизационного подхода, отказа области философии истории от классической парадигмы линейного и однонаправленного развития общества и перехода к методологии постмодерна, основанной на признании культурно-цивилизационного многообразия мира под историческим углом зрения, можно предположить, что данные образы старого человека, отражающие определенные ценностные установки, характерные для разных ветвей христианства возникли достаточно давно и сохраняются в виде неосознаваемых стереотипов общественной психологии, культурных и религиозных традиций, сохраняющих опыт управления спецификой внутрисемейных и других отношений. Эти различия сказываются на идеалах самих пожилых людей, их отношения к другим возрастным группам, представлениях об «успешном» или «неуспешном» старении.

В контексте проблемы будущего развития человечества на пути к обществу нематериальных ценностей (В.С. Степин, М.М. Моисеев, В.С. Панарин и др.) исследование плюрализма системы ценностей отражает динамику современного мировоззренческого поиска. Ментальная специфика массового сознания россиян, особенно сознания пожилых базируется на общинной традиции, свойственной православной культуре. Она отличается от индивидуалистического сознания людей западных стран, в котором амбивалентно наличествуют **геронтофильные** и **геронтофобные** установки.

Обнаруженные в исследованиях последнего времени различные культурные «модели» (образы) ребенка и старого человека, существующие в европейской, российской и восточных культурах, актуализируют вопрос о возможностях и границах интеркультурного унифицированного идеала детства и старости, синтезирующего мировой опыт в его цивилизационных вариантах.

Тенденции глобализации современного мира в условиях стратегической нестабильности имеет следствием многообразные социокультурные коллизии, к числу которых относится проблема

социальной защищенности пожилых, необходимости отказа от устаревших представлений о старости, как только деструктивном процессе и о пожилых как национальном богатстве и хранителях традиций в быстро меняющемся мире. Ответом на глобальные вызовы современности может стать все более широко осознаваемый отказ от ценностной иерархии мировых культур.

Сформировавшись в недрах медицины, геронтология в значительной степени вобрала ее исходную патогенетическую установку, фокусирующую внимание на деструктивных сторонах процесса старения. Этим вызвано глубоко негативное отношение одного из ведущих геронтологов современности А. Комфорта к бесполезным и даже вредным, по его мнению, «философским джинам», обусловленного недоверием многих естествоиспытателей к натурфилософским спекуляциям, претендующим на «выведение» естественнонаучного знания из «чисто философских предпосылок».

Сравнительно-цивилизационное изучение образов старого человека дает надежду на сохранение тех ценностей поздних лет жизни, которые соответствуют общемировым тенденциям на пути к обществу постматериальных ценностей, базирующихся на идее коэволюции с природой и кооперативных отношений между людьми.

Конкретная познавательная ситуация в современной геронтологии позволяет обнаружить, хотя и неравномерно развитое, но дифференцированно исследование старения как биологического, психологического и социального явления. Втягивание в концептуальное поле исследования феномена человеческой старости, исторической демографии и исторической психологии, физической и культурной антропологии, этнологии, социальной и философской антропологии создает возможность прогнозировать будущие образы старости в рамках *геронтофилки* как науки.

Актуальность данного глубоко гуманистического исследования вызвана также тем, что Санкт-Петербург является самым демографически старым городом России, где пожилые составляют 23%, а сама когорта пожилых, многие, из которых имеют духовный опыт переживания блокады Ленинграда, позволяет обнаружить возможности Старого человека в трагической ситуации.